

А.С. Серафимович. Рассказы. Железный поток //Лениздат, Ленинград,
1967
FB2: "Zummi ", 14 October 2013, version 1.0
UUID: 61ED4731-EEDC-4FDD-88DC-B0A249812EDB
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Александр Серафимович
Серафимович

Медведь

Содержание

I.....	.0004
II.....	.0007
III.....	.0013

**Александр Серафимович
Медведь**

Над самым берегом стояла великолепная дача, похожая на белый дворец, — в ней жили господа. Даже и не жили, они всё время проводили за границей, и дача стояла пустая. Но её охраняли и за ней ухаживали, и для этого во дворе жило много народу: дворники, сторожа, кучера, садовники, горничные, лакеи.

Жил в сторожах рязанский крестьянин, переселившийся года два назад на Кавказ с большой семьёй, — старшему, Галактиону, четырнадцать лет. Жена, крепкая российская женщина, хорошая работница, вот уже полтора года лежит жёлтая и раздувшаяся от злой кавказской лихорадки и слабым замученным голосом всё скрипит:

— Галаша, сынок, ты бы мне медвежатинки добыл, что ли. Так и вертит в носу, так и вертит, кабы съела кусочек, поздоровила, гляди. Уж так-то хочется, так-то хочется!

Жалко Галактиону матки, да как добудешь? За эти два года он отлично выучился стрелять, да на медведей отец не пускает, и

некогда: то винограды вскапывать, то в огороде, то скалу порохом взрывать, — от работы некогда и оторваться.

От дачи в одну сторону тянулось бесконечное синее море, а сзади, возвышаясь друг над другом, уходили в небо горы.

Ближние были густо-зелёные, покрытые дремучими лесами; дальше синели затянутые фиолетовой дымкой, а за ними громоздились белые, как сахар, снеговые хребты.

Леса и горы тут пустынно — редко встретишь человека, но тут своя жизнь, своё население: бродят грациозные козы, а за ними серой толпой, низко опустив лобастые головы, волки. Одинокó разгуливают медведи, деловитые, наблюдательные, всё примечающие, ко всему прислушивающиеся. Прыгают по деревьям белки. Раздвигая кусты могучей грудью, с треском проходят огромные, с чудовищно косматыми плечами зубры, которых во всём мире осталась только горсточка на Кавказе.

Много по Кавказским горам и лесам звериного и птичьего населения, — охотнику тут раздолье. Много и гадов всяких: в траве, в ка-

менистых щелях извиваются гадюки; на припёке греются маленькие красные змейки, от укуса которых человек и зверь быстро умирают; на камнях выползают греться смертоносные скорпионы, похожие на рака. Бегают проворные сколопендры, многоножки, и серые ядовитые фаланги, похожие на большого длинного паука, охотятся на мух, ловко хватая длинными мохнатыми лапами.

Рано утром, в воскресенье, ещё солнце не вставало, Галактион потихоньку от отца вскинул охотничий мешок с хлебом, взял подвязанное верёвочкой ружьё, мешочек с порохом и пулями и вышел.

Море только что проснулось, было светлое, покойное и еле заметно дымило тонким туманом утреннего дыхания. Прибой мягко, ласково шуршал, чуть набегая на мокрые гольши тонко растекающимся зеленоватым стеклом. Косо белели вдали, не разберёшь — крылья ли чаек, рыбачьи ли паруса.

Галактион пошёл по знакомой тропке, уходившей в горы. Лес тоже только недавно проснулся и стоял свежий, прохладный, в утреннем уборе алмазно-дрожащей росы.

Долго он шёл, подымаясь выше и выше. На тропинке, загораживая её всю, показалась маленькая горская лошадь. Её не видно было под огромными, перекинутыми через деревянное седло чувалами, набитыми древесным углём. За ней, так же осторожно и привычно ступая по каменистой тропинке, гусь-

ком шли ещё три лошади с качающимися по бокам огромными чувалами. На четвёртой, свесив длинные ноги почти до земли, ехал знакомый грузин, Давид Магарадзе.

Увидя Галактиона, он улыбнулся, ласково и приветливо кивая головой, и заговорил, останавливая лошадь, чисто по-русски, лишь с лёгким акцентом:

— Здравствуй! На охоту собрался?

Передние лошади сами остановились, и от их дыхания шевелились по бокам огромные чувалы, а на белый, хрящеватый камень тоненькой струйкой посыпалась угольная пыль.

— Эх, вот работа у меня сейчас, а то б с тобой махнул. На Мзымте стадо коз видел, так и полыхнули в горы, только камни посыпались. — У Давида горели чёрные глаза — он был страстный охотник. — А в монастыре всё просят, чтоб с ружьём прийти — медведи одолевают, сад весь пообломали. Ге-а... о-о!.. — гортанно крикнул он.

Шевельнулись чувалы, тронулась передняя лошадь, за ней вторая, третья, поехал и Давид, подталкивая ногами под брюхо, ласково

во кивая мальчику головой. Вот на повороте на минуту показались растопыренные по бокам чувалы и скрылись. Галактион остался один. Издали донёлся голос Давида:

— В монастырь зайди — просили.

— Ла-а-дно!

Деревья неподвижно стояли; в ветвях гомозились птицы; верхушки тронуло взошедшее солнце.

Долго мальчик карабкался, хватаясь за ветви и выступившие корни. Из-под ног срывались камни и, прыгая, катились вниз, а со лба падали крупные капли пота.

Часа через два, задыхаясь, с бьющимся сердцем, он выбрался из лесу на каменистую площадку. Далеко внизу расстилалось синее море.

Кругом стояли скалы, старые, потрескавшиеся. Высоко из расщелины отвесной скалы тянулась, протягивая корявые ветви, уродливая сосенка. Никто не знает, как её занесло туда и как она держалась на бесплодном камне. Гигантские обломки были причудливо наворочены. Как будто жили здесь великаны и стали строить невиданное жилище. Сорвали

с гор каменистые верхушки, сбросили и нагромоздили здесь, да потом раздумали и ушли. Так мертво всё и осталось, лишь из расщелины одиноко протягивала уродливые руки корявая сосенка.

Мальчик осторожно прошёл между камнями, где мелькали змеи. Площадка обрывалась отвесной стеной. Далеко внизу белело ложе высохшего ручья.

Выбрался из ущелья, перевалил горный отрог, и среди синевших гор в лесной долине открылся белевший кельями и церковью с золотым крестом монастырь.

Зашёл к знакомому монаху. Монах был откормленный, краснорожий, с огромным брюхом. Он повёл мальчика мимо пчельника. Кругом звенели, золотисто мелькая, пчёлы.

«Хоть бы медку дал», — подумал Галактион, втягивая носом сладкий запах разогретого мёда.

— Одолевают, одолевают нас медведи, — сказал монах, поправляя скуфью, — просто сладу нету. Чуть отвернёшься ночью, двухтрёх ульев нету, заберётся, повалит и лапой всё выгребет. И не укараулишь, — хитрые!

— Мне Давид говорил. С углём я его встретил.

— А далеко встретил?

— Да только что стал подыматься.

— Он вчера у нас был с углём. Просили его.

Говорит, ружья не захватил, дома.

— А отчего же вы сами, отец, не стреляете их? Тут у вас раздолье, охота великолепная.

Монах присел на срубленный пенёк:

— Нам нельзя. Устав монастырский не велит оружия в руки брать, не токмо кровь живую проливать. Вам можно, вы в миру, а мы божье дело делаем.

Помолчали. Галактион подумал: «Божье! Пьянствуете тут, обжираетесь, народ обманываете и заставляете на себя работать. Ружья, вишь ему в руки нельзя взять, а бездельничать можно, — привыкли всё чужими руками загрывать».

Хотелось встать и уйти, а с другой стороны, уж очень хорошо было на медведя поохотиться.

— Вот садись тут в саду. Ночи светлые, луна. В конце сада сливы спели, так туда стали таскаться, — все деревья пообломали.

— А вы, батюшка, ежели убью медведя, медку дайте, матке понесу, больная дюже!

— Ну, там видно будет, — уклончиво ответил монах и ушёл.

Вечером вошла луна, и сад, и лес, и горы стали волшебными. Всюду голубые тени, в просветах листвы лунное сияние, деревья как очарованные, и на вершушках голубовато-облитых гор зубчато чернеют леса.

Отчего всё так таинственно, непонятно, всё иначе, чем днём?

Галактион лежит на спине в густом малиннике на охапке душистой травы, которую нарвал на пчельнике. Над ним бездонный синий океан, и на нём высоко сияющая луна. И в её сиянии звёзды побледнели и попрятались.

Иногда наплывает жемчужное облачко, покрывает, сквозя, луну. Луна бежит в одну сторону, облачко в другую. Облачко дымчато растает, а луна опять одна и сияет на беспредельном синем океане.

Мальчик осторожно раздвигает малинник; таинственно стоят чёрные деревья с простёртыми ветвями, и в одну сторону от них тянутся голубые тени.

Ни звука, ни шороха. Изредка в это сонное

молчание вливается томительный крик маленькой совы, «сплюшки», невидимо летающей: «Сплю-у.. сплю-у...», или доносятся вой, визг и крики — шакалы возятся в лесу.

Ружьё, заряженное пулей, лежит возле. Галактион заводит веки, надоело ждать, а когда открывает — всё то же: молчание, покой и сияющая луна, но тени на земле передвинулись — время идёт.

«Нет, видно, Михаил Иванович сегодня не заявится!»

Он решил подождать, пока луна спустится к самому лесу, и тогда уходить.

Поднял глаза — под деревом стоит человек. Присмотрелся — медведь на задних лапах внимательно осматривается и нюхает воздух. Мальчик затаил дыхание. Долго глядел и нюхал медведь. Потом не спеша опустился на передние лапы, подошёл к дереву и обнюхал его со всех сторон. Опять поднялся неуклюже на задние лапы, неуклюже облапил дерево и полез. В его фигуре, в движениях была медлительность, медвежья неповоротливость, но не успел мальчик и глазом моргнуть, как медведь очутился на дереве и

уселся на развилке ветвей.

Дерево низенькое, и Галактиону отлично видно каждое движение медведя. Он осторожно приладил рогулю, положил ружьё. Стрелять хорошо и близко, только надо сразу свалить, а то задерёт.

Медведь помахивал к себе лапой, очевидно ловил сливы, но никак не мог поймать: ветви тонкие, а сливы на концах веток, и, когда он нагибался, всё трещало и гнулось, никак Мишка не достанет слив. Он поворочался, прислушался, потом, захватив два толстые сука, стал с силой трясти всё дерево. Сливы посыпались дождём. Галактион ждал, хотелось посмотреть, что дальше будет.

В ту же минуту послышалось торопливое чавканье под деревом. Глядь, а там целое семейство диких свиней, и большое семейство: папаша, мамаша, дедушка, бабушка и целый выводок поросят, больших и маленьких. Все они торопливо подбирали с земли сливы, вкусно чавкая.

Медведь ещё два раза сильно потрянул дерево и стал спускаться, перехватывая ствол лапами.

Только коснулся земли, свиньи прыснули в кусты, и медведь с удивлением стал обнюхивать пустую землю, всю пропитанную запахом свиных следов. Походил-походил, посмотрел в одну сторону, в другую — никого. Лишь круглая, ясная луна на высоком небе, да горы неровно вырезаются зубчатым лесом на вершушках, да голубые тени от деревьев ещё более передвинулись.

Мишка недовольно поурчал и опять полез на дерево, а свиньи — тут как тут, все расположились кольцом, осторожно похрюкивая в ожидании. Медведь глянул на них свирепо и стал спускаться. Свиньи моментально исчезли. Мишка снова полез, поглядывая вниз. Охватив сук, опять с силой тряхнул, сливы посыпались, шлёпая о землю.

Медведь, не теряя ни секунды, неуклюже и в то же время с поразительной быстротой стал спускаться. Мальчик глянул, ухватил зубами пальцы и стал кусать: хохот душил его, до того уморительна была фигура.

Но как ни проворен был Мишка, свиньи оказались проворнее: когда он спустился, на земле только воняли их следы, а сами они

рассыпались по кустам, подобрав до одной все сливы.

Медведь долго ходил, качая головой, сердито урча, на все корки «ругал» свиней и свиную породу. Становился на задние лапы, долго смотрел в кусты. Было тихо, молчаливо, пустынно. Всё залито с одной стороны лунным светом, с другой лежали густо голубые тени.

Опять походил, качая головой и неодобрительно урча, грозил кому-то. И полез на дерево в третий раз. А свиньи уже стоят кольцом вокруг дерева в ожидании. Медведь глянул на них сердито и не спешил трясти. Долго он возился, примащиваясь, потом захрустел косточкой, — достал-таки, видно, сливу лапой.

Опять схватился за сук, потрянул и в ту же секунду повис на передних лапах и повалился сверху прямо на свиней. Они с отчаянным визгом кинулись бежать, а мальчик неудержимо расхохотался и повалился на траву.

Когда поднялся, не было ни медведя, ни свиней.

Стояла одинокая ободранная слива. Сад спал. Спали осеребрённые горы, всё так же чернея зубчатым лесом, и бежала мимо жем-

чужного облака луна.

«Сплю-у!.. сплю-у!..» — томительно, с тоской, замирает в насыщенном лунном сиянии. Вдруг завозятся в лесу, нарушая молчание визгом и хохотом, шакалы, и опять тишина, и сияние неспящей луны, и горы, и неподвижный сад.

Галактион поднял ружьё и сумку.

— Эх, жалко, медвежатинки матке не добыл, и мёду теперь не даст толстопузый...

Идёт Галактион, хочется спать.

Да как вспомнит неуклюжий, на мгновение повисший медвежий зад и как он повалялся на свиного дедушку, громко расхохочется на весь сад.

Мальчик разыскивает на поляне свежескошенную копну, забирается в неё, — чудесно выпится до утра.

Месяц стал ниже, уже касается верхушек деревьев, — ему тоже хочется спать. Всё потемнело.